

В отличие от государственной службы, например военной, где присвоению воинского звания предшествует назначение лица на равную этому званию должность, научная деятельность по своей природе является свободной и не связанной какими-либо формальными рамками как условиями проведения исследований и оформления их результатов.

Далеко не всегда научная школа или коллектив получают свое структурирование в виде создания в научном или образовательном учреждении специального подразделения с выделением штатной должности его руководителя. И этот факт никак не влияет на исследовательскую результативность коллектива, поэтому для успешной деятельности достаточно традиционного распределения научно-педагогических кадров, которое имеется в системе высшего образования и науки.

Кузьмин Игорь Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Внутренние и внешние функции юридической науки (на примере частной теории юридической ответственности)

В государственно-организованном обществе, которое декларативно стремится к достижению глобального правопорядка и обеспечению законности во внутринациональном правовом поле, значение юридической науки сложно переоценить. Процессы государственного строительства и конструирования правовой системы во многом качественно зависят от уровня научных достижений, благодаря которым закономерности и перспективы развития соответствующих государственно-правовых систем формулируются и концептуально интерпретируются, актуализируются с учетом современных потребностей общества, государства и личности.

Юридическая наука посредством применения общей, специальной и частной методологии и целого комплекса средств познания, с одной стороны, позволяет проникнуть в сущностные аспекты изучаемых явлений, а с другой — порождает новые идеи и модели государственно-правового устройства, которые могут оказаться полезными как на дальнюю, так и на ближнюю перспективу. Так, К. Л. Бартельс обоснованно заявляет, что любая функция науки является проявлением существенных ее свойств. Реализуя собственные функции, любая наука открывает возможности и способности участвовать в решении важнейших проблем жизнедеятельности общества для выработки более благоприятных условий жизни людей. При этом функции науки исторически изменчивы и коррелируются с развитием социальных функций¹.

С учетом направленности воздействия мы предлагаем разграничивать внутренние и внешние функции науки². Под внутренними функциями юридической науки мы понимаем ее ориентацию на любые институциональные проявления академической среды — на доктрину, теории, концепции и взгляды отдельных правоведов, групп ученых и научные школы. Внешние функции науки характеризуют ее влияние на объективную (социальную) среду и связаны с переустройством окружающей социальной действительности на основе результатов научных исследований.

В юридической науке достаточно давно исследуется категория «государственное принуждение». Будучи одним из основных методов осуществления публичной власти, принуждение воплощается в системе мер, реализация, расширение и совершенствование которой относится к приоритетным направлениям правовой политики. Познание государственного принуждения с методологической

¹ См.: Бартельс К. Л. Функциональные приоритеты современной науки // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 166. С. 156.

² Здесь мы выражаем принципиально несогласие с К. А. Стрельниковым, который приписывает вопрос о соотношении внутренних и внешних функций юридической науки к числу бессмысленных ввиду того, что правовая наука во многом сама задает себе цели и успешно их решает. Представляется, что любая фундаментальная правовая дисциплина, исходя из основ науковедения, включает в предмет своего познания не только закономерности возникновения, развития и функционирования внешних объектов, но и постигает «самое себя», прежде всего, для определения ориентиров движения научной мысли и расширения методологической базы. Подробнее см.: Стрельников К. А. К вопросу о системном походе в юридической науке // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 4.

(как метод), функциональной (как деятельность) и институциональной (как режим, совокупность правовых средств) позиций создает возможности для поиска и нахождения эффективных подходов к правовому регулированию в целях достижения требуемых показателей законности и правопорядка. Еще в конце XX века В. С. Нерсесянц заявил, что в любом государстве сила тесно связана с правом, так как именно через правовую форму сила преобразуется во власть, а насилие — в урегулированное правом государственно-властное принуждение¹.

По мнению И. С. Штоды, закрепленные в законодательстве меры государственного принуждения «многообразны и могут в зависимости от основания применения быть классифицированы на две группы: меры юридической ответственности и меры, не являющиеся юридической ответственностью»². С учетом особой важности и специфики категории «юридическая ответственность» в общей теории права оформилась самостоятельная частная теория юридической ответственности, которая также выступает в качестве «проводника» внутренних и внешних функций юридической науки.

Осуществление внутренних функций рассматриваемой теории можно наглядно проследить в следующих аспектах. Во-первых, разработки теории юридической ответственности ведутся на масштабной основе и служат локомотивом для развития сопутствующих категорий, включая государственное принуждение и иные принудительные меры, не относящиеся к ответственности в праве (профилактические, пресекательные, правосстановительные и другие). Определение межкатегориальных связей позволяет эффективно развивать частную теорию юридической ответственности и сопутствующие теории, переводя одни научные гипотезы в разряд научных фактов и опровергая другие.

Во-вторых, познание юридической ответственности затрагивает многообразные междисциплинарные связи правоправедения с неюридическими науками (политологией, социологией, психологией, культурологией и т. д.). Данное обстоятельство активно способствует развитию специальной и частной методологии юридической науки за счет сопоставления методов и средств познания объектов, исследуемых различными науками.

В-третьих, погружение в проблематику юридической ответственности в силу комплексного характера обозначенной категории способствует дальнейшему укреплению когнитивных способностей исследователя, уточнению его научных интересов и приоритетов в области правоохранительной деятельности и государственного принуждения³. В конечном счете основательность и надежность результатов юридической науки зависят от ясности и убежденности исследователей. Еще в 1647 году французский поэт Буало-Депрео Никола писал:

«Учитесь мыслить вы, затем уже писать.

Идет за мыслью речь; яснее иль темнее

И фраза строится по образцу идеи;

Что ясно и понято, то четко прозвучит,

И слово точное немедля набезжит»⁴.

Осуществление внешних функций рассматриваемой теории можно проследить на примере основных видов юридической деятельности.

Во-первых, правотворческая деятельность должна основываться на принципах научности и профессионализма, учитывать результаты научных исследований, выявленные общественные закономерности, а также последние достижения юридической техники. Привлечение ученых-правоведов к разработке, обсуждению и принятию различных источников права (прежде всего, нормативных правовых актов) необходимо для повышения качества нормативного материала. Учитывая, что правовое регулирование должно из «догоняющего» постепенно становиться «опережающим»⁵, без обращения к аналитике и научно обоснованным прогнозам названный переход мыслится невозможным. Внесение изменений в систему наказаний, составляющую фундамент юридической

¹ См.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. Москва, 1999. С. 266.

² Штода И. С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2017. С. 13, 135.

³ Подробнее см.: Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Проблема выбора объекта сравнительно-правового исследования // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 2–26.

⁴ Буало Н. Поэтическое искусство / пер. с фр. С. С. Нестеровой, Г. С. Пиралова; под ред. Г. А. Шенгели; вступ. ст. Д. И. Гачева. Москва, 1937. С. 45.

⁵ См., например: Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 21–28.

ответственности, и в динамическую модель правоотношения ответственности относится к числу сложных правотворческих решений, последствия которых могут оказать кардинальное влияние на национальную правовую систему и уровень легитимности власти.

Во-вторых, правоприменительная деятельность, посредством которой и достигается фактический правопорядок и показатели законности, нуждается в научно-методическом обеспечении и соответствующих рекомендациях. При этом важно учитывать, что познание фактов, обстоятельств и иных юридически значимых условий в процессе применения права относится к вненаучному познанию, что не исключает тесной связи правоприменения с юридической наукой и широкого использования в его процессе различных методов и средств исследования¹. Как отметил на Всемирной конференции по конституционному правосудию 23–24 января 2009 года (г. Кейптаун, ЮАР) председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации учитывает источники зарубежной национальной судебной практики и принимает во внимание мнения относительно ссылок на научные доктринальные источники². Соответственно, квалификация деяния в качестве фактического основания возникновения юридической ответственности, определение справедливого наказания, добровольные формы реализации ответственности вне юрисдикционного процесса или восприятие иных специфических условий юридической ответственности требуют высокого профессионализма, построенного на усвоении аналитическим путем обобщенного опыта и научно апробированных правоприменительных методик.

В-третьих, правоинтерпретационная деятельность, нацеленная на выявление истинного смысла различных правовых предписаний, подразумевает использование целого ряда способов толкования права, выбор и подходы к реализации которых нуждаются в качественной научной проработке. В. В. Лазарев по этому поводу заметил, что толкование права как интеллектуальная деятельность содержит элементы искусства и науки³. В постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 октября 2008 года по арбитражному делу № А33-1764/2008 содержалось утверждение о том, что «волю законодателя необходимо устанавливать путем применения способов толкования норм права, разработанных в теории государства и права». Соответственно, правильная интерпретация норм, содержащих юридическую ответственность, основания юридической ответственности и механизмы ее реализации являются залогом эффективных правовых решений, немислимых без сопровождения юридически значимых суждений и умозаключений научной методологией и инструментарием. Ранее мы уже обращали внимание на угрозы от наукообразных публикаций, в которых законодательные конструкции ответственности и их официальные толкования рассматриваются как аксиомы и неопровержимые научные факты. Акты официального толкования права необходимо выстраивать на передовых достижениях юридической науки, «в противном случае мы меняем причину и следствие местами и приравниваем субъективное формально выраженное мнение публичных субъектов к научному факту, что изначально неверно, порочно и даже опасно»⁴.

Важно помнить, что юридическая наука также лежит в основе правового обучения и правовой пропаганды, позволяя усиливать или ослаблять институт юридической ответственности с точки зрения глубины его понимания профессиональным сообществом либо общественностью. Так, в процессе образовательной деятельности в отношении студентов (обучающихся) юридическая наука может выполнять не только внешние, но и внутренние функции. К примеру, узнавая в научных трудах о нарушениях и эвентуальных мерах ответственности за них, студенты подвергаются некоторому внешнему профилактическому воздействию, но будучи самостоятельными участниками научной деятельности, последние начинают испытывать на себе внутренние функции науки, проникаясь той или иной концепцией юридической ответственности.

¹ Подробнее см.: Пьянов Н. А., Казанков Я. Н. О познании в правоприменительной деятельности // Пролог: журнал о праве. 2014. № 2. С. 9–10.

² Конституционный Суд Российской Федерации и его роль в защите прав человека в контексте глобальной юриспруденции: материал к Всемирной конференции по конституционному правосудию. Кейптаун, 23–24 января 2009 года // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=23> (дата обращения: 01.06.2024).

³ См.: Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. Москва, 2004. С. 443.

⁴ Кузьмин И. А. Система права и система юридической ответственности: монография. Иркутск, 2018. С. 114.

Таким образом, мы приходим к выводу, что юридическая наука, выполняя внутренние и внешние функции, осуществляет комплексное воздействие на государственно-правовую действительность во всех ее проявлениях, подвергая различным изменениям и трансформации правосознание и правовую культуру населения. В свою очередь, частная теория юридической ответственности, как одна из наиболее крупных, сложных и неоднозначных составляющих общей теории права, таит в себе огромный потенциал разветвления внутренних и внешних функций юридической науки через призму собственной социально значимой и принципиально важной для государства, общества и личности проблематики.

Купцова Ольга Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Формирование и развитие технико-юридической культуры как вклад юридической науки в жизнь общества

Развитие современного общества и усложнение разнообразных социальных связей предопределяет формирование предпосылок к более активному взаимодействию юридической науки и расширению ее роли в жизни социума. Дифференциация общественных отношений, изменение целевых ориентиров развития государства влекут за собой качественные и количественные изменения в нормативной правовой регламентации.

Как акцентируется внимание в современной правовой доктрине, современное общество позиционируется как общество постмодерна, что выражается в ряде характеристик. В этих условиях «...постмодерн выступает в качестве такой мировоззренческой парадигмы, где производится процедура развенчания всего традиционного, привычного, классического»¹. Наряду с изменениями всей социальной организации современности особое влияние оказывает также изменение межгосударственного взаимодействия, во многом предопределяющее изменение ценностных ориентиров современного общества и государства. В этом отношении необходимо особо отметить позитивную тенденцию нормативной правовой регламентации возрождаемых и формируемых ценностей государственно-значимого характера. Так, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»², содержит систему нормативно закреплённых важнейших идеологем, и этот процесс закрепления правовых установлений ценностного характера будет продолжаться, привнося свое влияние на развитие современного языка права. Кроме того, достаточно глобальные изменения в жизни социума и кардинальные преобразования целеполагания в правовых системах на современной юридической карте мира влекут за собой активную модернизацию нормативной правовой регламентации и более значительное взаимовлияние различных источников (форм) права. Это обуславливало различные проявления правосознания и правовых ожиданий, которые не всегда носят позитивный характер для правового восприятия действительности в юридически значимых ситуациях. В. М. Баранов справедливо утверждает, что современное законодательство в ряде случаев может носить травмирующий характер и может считаться одним из элементов образования общества травмы³. Во избежание возникновения и развития предпосылок данного явления необходимо более детально и последовательно внедрять в положения современной законодательной политики результаты развиваю-

¹ Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 49.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 40–58.